

Р.Н. АБРАМОВ

ДЕФИНИЦИОНИСТСКИЕ МЕТАФОРЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В данной статье мы собираемся обозначить роль дефиниционистских метафор в современной социологии. Сразу оговоримся, что теория метафор, как она представлена в лингвистике и философии языка, будет нас интересовать лишь в той мере, в какой она соответствует нашей задаче. В большей степени нас интересуют функции метафоры для производства социологического знания и социальные аспекты обращения метафоры современной теории социальных наук. В качестве примера активного использования метафоры мы обратимся к некоторым работам известного британского социолога З. Баумана. Они нам представляются чрезвычайно плодотворными для анализа социальных функций метафоры в производстве и распространении теоретического знания в социологии.

Метафорой Аристотель называл «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии» [1, с. 669]. В метафоре переход от одного смысла к другому осуществляется посредством личного действия, в основе которого находится впечатление или интерпретация, причем последняя требует, чтобы читатель сам её создал или воскресил [7, с. 18]. То есть «метафора представляет собой формулу замещения или замены слова, лексемы, концепта или “первичного опыта” другими словами, эрзацем, лексемой, концептом, “вторичным опытом”, и содержанием представления, информации и т. п.» [6, с. 17]. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону «суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [10, с. 27].

В своей работе «Что означают метафоры» американский философ Д. Дэвидсон ставит несколько проблем использования метафоры в языке. Прежде всего, он обращает внимание на галлюциногенные свойства метафоры для языка: «Метафора — это греза, сон языка (dreamwork of language)... Метафора, делая некоторое буквальное ут-

Абрамов Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент Государственного университета — Высшая школа экономики, старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Государственный университет — Высшая школа экономики. **Телефон:** (495) 152–09–31.

Электронная почта: roman_na@mail.ru

В основе статьи лежит доклад, сделанный автором на III Всероссийском социологическом конгрессе в Секции № 1 «Проблемы теории в мировой и российской социологии».

верждение, заставляет нас увидеть один объект как бы в свете другого, что и влечет за собой прозрение. Поскольку в большинстве случаев оно несводимо (или не в полной мере сводимо) к познанию некоторой истины или факта, то наши попытки буквально описать содержание метафоры просто обречены на провал» [8, с. 173]. Одновременно сам Д. Дэвидсон имеет «негативные взгляды на значение метафоры», которая наделена многозначностью толкований, и «в контексте метафоры определенные слова имеют и новое, и свое первичное значение; сила метафоры прямо зависит от нашей неуверенности, от наших колебаний между этими двумя значениями» [8, с. 177]. Философ обращает внимание на пустоту метафоры: невозможность перефразировать метафору происходит не потому что она добавляет что-то новое к буквальному значению, а потому что просто нечего перефразировать. Более того, скрытый и оттого более чарующий смысл метафоры может быть разоблачен простым приемом тривиального сравнения «*Это похоже на то*» (например, «*Общество похоже на пчелиный улей*»). Такое сравнение делает глубинный смысл метафоры удивительно простым и доступным. Метафора, по Д. Дэвидсону, «направляет внимание на те же виды сходства, если не на те же черты, что и соответствующее сравнение» [8, с. 182]. Более того, для американского философа семантическое различие сравнения и метафоры заключается в истинности первых и ложности вторых. И в этой ситуации становится важным не эпистемически фундированное объяснение работы метафоры, но расшифровка содержания метафоры через воздействие, которое она оказывает на нас. Так для Д. Дэвидсона поэтика метафоры затуманивает ничтожность её содержания.

Сторонник прагматического подхода Дж. Серль указывал, что проблема метафоры затрагивает отношения между значением слова и предложения, с одной стороны, и значением высказывания или значением говорящего, — с другой [15, с. 192]. Исходя из теории речевых актов, Дж. Серль различает значение, вкладываемого в метафору говорящим, и значение, возникающее в ходе восприятия метафоры. Это служит ключом к интерпретации метафоры, поскольку «она делает возможным говорить одно, имея в виду нечто другое» [5, с. 80]. Для американского философа языка «метафорическое значение — это всегда значение высказывания говорящего» [14, с. 309]. Механизм работы метафоры, по Дж. Серлю, сопоставим с принципами функционирования иронии, гиперболы и косвенных речевых актов в языковой практике. Вслед за Д. Дэвидсоном Дж. Серль отбрасывает возможность существования двух значений метафоры — буквального и метафорического, оставляя приоритет буквального.

Последователь Д. Дэвидсона неопрагматист Р. Рорти считает, что метафора имеет только буквальное значение, однако она описывает «использование слова с целями, отличающимися от тех, которые осуществляются в языковой игре» [16, с. 141]. И в таком случае посредством метафоры можно создать новую языковую игру, что и происходит в ситуации производства теоретического знания в современной социологии. В ряде своих работ Р. Рорти подчеркивает значение метафоры для науки, где «метафорические переописания свидетельствуют о гениальности и революционных прорывах» [13, с. 51–52]. Между тем, как только метафора теряет свою свежесть, остается «формальная структура без чувственного содержания, остается плоский, буквальный, прозрачный язык — язык, который не принадлежит никакой определенной личности, но “здравому смыслу”, “разуму”, “интуиции”, идеям настолько ясным и отчетливым, что можно смотреть сквозь них» [13, с. 194–195]. Однако, что касается теории, объясняющей саму метафору, то здесь Р. Рорти выступает как пессимист, заявляя, что такой теории нет [16].

Американский философ науки М. Блэк апеллирует к прагматике языка, утверждая, что «метафора — слово в лучшем случае с неопределенным значением, и не следует ограничивать его употребление более жесткими правилами, чем те, которые существуют на практике» [4, с. 155]. М. Блэк предлагает так называемую «интеракционистскую» точку зрения на метафору, подчеркивающую, в частности, то обстоятельство, что метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики объекта, и устраняет другие, что создает сдвиги значений, образующиеся вне всяких заданных предписаний [4].

По замечанию томских исследователей В.Н. Сырова и В.А. Суровцева, «эффект метафоры является продуктом контраста между обычным и необычным, где первое является фоном для второго» [15, с. 186]. Стратегия такого столкновения образует «силу» метафоры. Работа с метафорой в таком случае заключается «в расшатывании общепринятого контекста употребления слов и, даже, в конце концов, в игре на контрасте их звучаний» [15, с. 187]. Эффект метафоры основывается на приемах деконтекстуализации и реконтекстуализации, когда метафора не разрушает текст, но вырывает слово из привычного контекста. Поэтизация текста как способ привлечения к нему дополнительного внимания — функциональное предназначение метафоры: «слово, употреблённое метафорически, бросается в глаза как яркое пятно на одноцветной ткани. Текст играет метафорами, постоянно меняя и окраску фона, и цвет пятен» [15, с. 187].

Если ставить вопрос о роли метафоры в контексте познания, то следует рассмотреть её как вид знания или как метод или способ познания. Здесь уместно вспомнить взгляды Х. Ортеги-и-Гассета на

метафору, который говорил о двух способах её использования в научном дискурсе. Первый связан с поиском образа, через который можно дать семантическое описание совершенного научного открытия и найти для него термин. Во втором случае метафора прокладывает эпистемический путь к понятиям, обозначающим абстрактные объекты, которые не поддаются буквальному выражению в языке. Характеризуя второй способ бытования метафоры в науке, испанский философ приписывает ей свойство инструмента, «удлиняющего действие мысли в области логики» подобно ружью или удочке [11].

Представив в самых общих чертах подходы к интерпретации метафоры в философии языка и лингвистике, обратимся к описанию функций метафоры. Метафора органически связана с поэтическим видением мира, что определяет набор её значимых функций. Метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий. При этом источник метафор — сознательная ошибка в таксономии объектов, которая позволяет метафоре работать на категориальном сдвиге. Рассматривая метафору в функциональном ключе, Н.Д. Арутюнова дала ей исчерпывающую характеристику в контексте поэтического дискурса [2]. Метафора, подчеркивает автор, обеспечивает слияние образа и смысла, слияние настолько прочное, что его разрыв не поддается логическим основаниям. Метафора создает категориальный сдвиг, открывая неожиданные стороны восприятия объекта. Метафора актуализирует «случайные» интертекстуальные связи, обеспечивая мерцание смыслов и определений. Также метафора обращается к воображению, которое начинает работать прежде знания; последовательная цепь рассуждений заменяется вспышкой понимания — так достигается кратчайший путь к сущности объекта. Таким образом, метафора как система фильтрации задает определенный способ видения объекта. Это имеет прямое отношение к анализу концептуальных метафор, формирующих мышление, и базовых метафор, формирующих когнитивные модели — инвариантные структуры, объективированные в культуре и задающие картину мира [5].

Помимо названных, можно выделить еще несколько функций метафоры, которые широко распространены в гуманитарном и социальном знании. Во-первых, метафора выполняет *информативную функцию*, поскольку создатель метафоры предлагает нам прочесть, узнать об объекте высказывания больше, нежели мы могли бы узнать, используя нейтральные, абстрактные, буквализованные обозначения. Например, вместо обыкновенного, инертного понятия «социальная группа» в драматургическом подходе И. Гофмана используется термин «команда», обозначающий тех, кто занят очередной постановкой

рутинного житейского взаимодействия [9, с. 23]. Следует упомянуть *номинативную функцию* метафоры — в ситуации, когда объект нуждается в имени, метафорический приём соблазняет своей изящностью. Метафорическое номинирование не только сообщает нам новое, но и обеспечивает символическую власть над всем кластером связанных понятий. Например, П. Бурдьё надолго обеспечил себе теоретическую гегемонию, активно оперируя метафорами поля и пространства применительно к значению «социальная структура». Из названной функции проистекает *характеризующая функция* метафоры, которая реализует принцип концептуального сдвига. Случай с П. Бурдьё показателен, поскольку переименование объекта привнесло новые перспективы анализа его содержательной характеристики. Следующая функция метафоры — *текстообразующая*. Метафора может стать той ниточкой, начав распутывать которую можно прийти к развитой системе тезисов, понятий, концептуализаций. Драматургический подход И. Гофмана, где за основу была взята метафора театрального представления, открыл новые ресурсы анализа обыденной жизни. Хорошая метафора обычно определяется как метафора «яркая», то есть запоминающаяся. Отсюда проистекает *меморативная функция*. Известная метафора «научной революции», возникнув один раз, уже не теряется среди множества других определений быстрых изменений научного знания и методологической практики. И, наконец, удачная метафора — это часто *провокация*. Называя процессы фрагментации социологической теории процессами «балканизации», мы невольно провоцируем сравнение положения в социологии с геополитической ситуацией на территории бывшей Югославии.

Как отмечает Л.Г. Гудков, «исследования метафоры давно уже вышли за рамки филологии, риторики и лингвистики» [6, с. 16]. Метафора может использоваться для построения моделей, перевода одной системы значений образного ряда в другие, а также для образования новых понятий и терминов, создания ядра семантической структуры — теории, концепции и т. п.

В качестве методологического приема метафора оказалась очень востребована на всем протяжении развития теоретической социологии¹. Трудно отыскать другую научную дисциплину, в которой метафора играла бы столь важную эпистемическую роль. Сильным проектом метафоризации социального знания стал классический функционализм, укорененный в биологической метафоре [см.: 18]. Особую заметность метафорический прием в социологии приобрел в период, когда сама социологическая теория осознала призрачность проекта построения монопарадигмального знания. Вышедшая на поверхность

¹ В России проблематика метафоры в классической социологической теории блестяще раскрыта в работе М.В. Рассохиной [12].

полипарадигмальность способствовала быстрой метафоризации социологического языка. Эта тенденция ярко проявилась в поиске существенных дефиниций современности, метафоричность которых не требовала бы дополнительной операционализации. Собственно, сам концепт «современности» появился как контроверза «Старому порядку», как метафора «Нового времени» [17, с. 13]. Современность стала обрастать всё новыми и новыми метафорами — «общество спектакля», «общество постмодерна», «общество риска», «общество дезорганизованного капитализма», «общество позднего модерна», «сетевое общество», «глобальная деревня», «общество риска», «виртуализованное общество» и т. п. Проблема дефиниции современного общества заключается в отсутствии окончательной метафоры, делающей все другие способы проникновения в суть меняющейся современности недостаточными. Систематизация и терминологический анализ метафор современности является значимой теоретической задачей, способствующей пониманию вектора движения социологии.

Одним из активных производителей метафор современности является известный британский социолог З. Бауман. Его многочисленные работы служат источником вдохновения и поводом для дискуссий тысячам социологов во всем мире. Популярность З. Баумана не в последнюю очередь базируется на его уникальном авторском стиле.

Диапазон сюжетов, о которых пишет З. Бауман, чрезвычайно обширен, при этом связь между многими из них далеко не всегда очевидна. В разное время британский социолог вдохновлялся различными идеями — от критической марксистской традиции и структуралистской лингвистики Ф. де Соссюра до работ Ж. Дерриды, М. Фуко и Э. Левинаса. Сквозь призму этого теоретического калейдоскопа Бауман рассматривал различные объекты — такие, как класс, культура, свобода, коммунизм, марксизм, польская политика, современность и постсовременность, Холокост, странник и чужак, консьюмеризм, секс, «новые бедные», социологическое мышление, искусство, религия, глобализация и этика. Присущую ему манеру раскрытия этих тем характеризуют как стилистику «противоречивости» и «эклетицизма» [28, 19], а самого Баумана называют «неизлечимым эклетицистом» («incurably eclectic») [27]. Впрочем, некоторые видят в композиционной противоречивости баумановских текстов сильную сторону его творчества: «...цель Баумана заключается в отражении противоречивой жизни в текстах и это не может не сказаться на композиции его работ» [29, с. 211]. Другие критикуют запутанную и проблематичную природу некоторых идей З. Баумана [26]. Т. Блэкшоу отмечает, что работы этого социолога не соответствуют тщательно организованной академической иерархии тематик, методов, дисциплин, являющейся основой современной университетской системы [22]. В известном смысле источник вдохновения З. Баумана лежит за

пределами раздела социальных наук в библиотечном каталоге: художественные образы и интуиция в его текстах играют не меньшую роль.

В большинстве работ З. Бауман последовательно стирает границу между теорией и методологией, отдавая приоритет литературному стилю и поэтизированной манере письма [25]. Многие комментаторы обращали внимание на оригинальность баумановского стиля. Так, Т. Блэкшоу охарактеризовал З. Баумана как «поэта-интеллектуала» [21], Д. Смит — как «состоявшегося социологического сказочника» [30], П. Бейлхарц называет его социологию «потрясающей» и «выдающейся» [20], а К. Тестер отмечает особую «литературную остроту» его работ, хотя и именует их автора «литературным фантазером» [31].

Как отмечает австралийский исследователь В. Маротта, «З. Баумана трудно классифицировать в качестве “системного” социального теоретика в традициях Ю. Хабермаса, Н. Лумана и Э. Гидденса, однако в его творчестве есть теоретическая структура, подчеркивающая фрагментированность и разнообразие проекта баумановской социологии» [28, с. 37]. З. Бауман активно пользуется метафорами как приемом, и прагматика их применения отражает прагматическое и эклектическое понимание его собственного пути в социологии. Бауман не беспокоится о границах между политикой, социальными науками и культурной историей, социально-психологическим анализом и рефлексивным бриколажем; он умело переключает регистры литературного и логического объяснения, меняет оптику, переходя от герменевтических способов объяснения к аналитическим и обратно [29].

Баумановская интерпретация современности носит описательный и критический характер. С его точки зрения, начало современности связано с историей западной Европы XVII века, а достижение зрелости — с эпохой Просвещения и появлением капиталистических и социалистических индустриальных обществ. Ключевой чертой современности являются постоянные изменения, осознаваемые самим обществом. Современность — это эра осознания собственной историчности. Этот взгляд омрачается критикой современности как определенного типа мышления, мышления «производства порядка», поиск которого ассоциируется с подавлением и эксклюзией чужака. «Другой» или «чужак» с позиции порядка служит выражением хаоса и таким образом несет потенциальную угрозу стабильным и фиксированным границам современности.

Вслед за Франкфуртской школой объектом критики З. Баумана стала современность, порожденная рационалистским мышлением проекта Просвещения. В то же время, З. Бауман описывает современность, с которой сброшены строгие одежды Просвещения. Британского социолога интересует случайная и амбивалентная ткань современной

жизни, где неуверенность и непредсказуемость формируют саму сущность смысла современного. Если социальные и культурные границы текучи, значит их прозрачность, определенность и предсказуемость находится под угрозой. В этом заключается парадокс проекта Современности: стремясь элиминировать хаос и амбивалентность, современность, между тем, постоянно их воспроизводит. Хаос и амбивалентность для З. Баумана составляют истинную природу современного социального мира.

З. Бауману потребовалось искать определения, позволяющие наиболее точно различать Современность первого и второго типа. Результатом этих поисков стали метафоры, построенные вокруг физических свойств тела: Бауман предлагает модели «твердой» и «жидкой» современности, что позволяет ему сослаться на концепции «множественной современности» [23; 24]. Переход от «твердого» к «жидкому» состоянию описывается метафорой таяния главных социальных структур и практик, сформированных в «твердый» период.

Рассуждая о «твердой» и «жидкой» современностях, британский социолог обращается к интуиции и воображению читателя. Мы можем проникнуть в суть различия двух типов современности еще до включения рационального мышления, поскольку знаем свойства твердых и жидких тел. Таким образом достигается дорефлексивное понимание баумановской идеи, понимание, данное нам, практически, в тактильных ощущениях.

В работе «Текущая современность» З. Бауман предложил новую группу метафор, определяющих нынешнюю стадию современной эпохи; главной среди них оказывается «текучесть» [3, с. 8]. Текучее состояние современности фиксируется через физические свойства жидкостей, которые не замкнуты в пространстве и не сохраняют форму в течение долгого времени. «Жидкости легко перемещаются. Они текут, проливаются, иссыкают, брызгают, переливаются, просачиваются, затопляют, расплываются, капают, просачиваются, выделяются; в отличие от твердых тел их не легко остановить — одни препятствия они обтекают, другие растворяют и через третьи — просачиваются» [3, с. 8], — такие эпитеты использует З. Бауман для описания нового этапа в истории современности. Прутья железной клетки веберовского капитализма расплавляются в результате еще большего стремления к рационализации и гибкости. Старая современность кажется «тяжелой» по сравнению с нынешней «легкой», «твердой» — по сравнению с «текучей», «плотной» — по сравнению с «капиллярной» и «системной» в отличие от «сетевой». Бинарная оппозиция твердости/текучести используется З. Бауманом в качестве удобной концептуальной рамки различия социальных институтов старой и новой современности: по-парсонсовски стабильные социетальные

системы заменяются постмодернистски нестабильными симулякрами текучей действительности. Плавка твёрдых тел приводит к прогрессивному освобождению экономики от традиционных связей с политическими, этическими и культурными условиями [3, с. 10].

Метафору текучести и плавления З. Бауман наделяет не только позитивными коннотациями. Процесс плавления жесткой системы социальных институтов приводит к появлению «индивидуализированной, приватизированной версии современности, обремененной переплетением паттернов и ответственностью за неудачи, лежащей на плечи отдельного человека» [3, с. 14].

Помимо физической метафоры растекания / затвердевания, британский социолог использует метафору тяжелого и легкого капитализмов, каждому из которых соответствует свой способ организации производства и собственности. «Тяжелая современность» была эпохой формирования действительности на манер архитектуры или садоводства: действительность, послушная вердиктам разума, должна была быть «построена» при строгом контроле качества, согласно строгим процедурным правилам, а, главное, — спроектирована до того, как начнутся строительные работы. Это была эра чертежных досок и проектов. Апофеозом твердого капитализма стала фордистская модель промышленности, выраженная не только в специфически организованном пространстве фабрики, но и в особых отношениях между основными производственными ресурсами: «...капитал, управление и труд были обречены существовать в компании друг друга, связанными на протяжении долгого времени конгломератами огромных заводов, крупных станков, массивом рабочей силы» [3, с. 65].

Легкий капитализм — это капитализм высокой мобильности. Речь идет не только о размещении производств ближе к регионам с дешевой рабочей силой, но и о мобильности владения: портфельные инвесторы не являются солидными капитанами тяжелой индустрии, но скорее серферами, ловящими волны изменяющихся биржевых котировок. З. Бауман отмечает: «...теперь капитал путешествует налегке — с багажом, состоящим лишь из портфеля, сотового телефона и ноутбука. Он может остановиться почти в любом месте и нигде не должен оставаться дольше, чем захочет» [3, с. 66]. Проблема легкого капитализма состоит в том, что рабочая сила не достигла легкости, сравнимой с легкостью капитала. В новой ситуации отсутствует спарринг-партнер на ринге классового конфликта: трудно предъявлять политические и экономические требования безымянным клеркам, вперившим свой взгляд в компьютерные мониторы, где скачет непредсказуемая линия жизни мировой экономики.

З. Бауман — не только создатель собственных, но и коллекционер чужих метафор. Поэтизируя социологический язык, он с легкостью перенимает самые разные метафоры современности. Описывая

пространство современного города, британский социолог опирается на целый ряд метафор. Вслед за Дж. Ритцером он называет торговые пассажи и мегамоллы храмами потребления, посетители которых могут найти там «то, что они рьяно, но всё же напрасно разыскивают снаружи: успокаивающее чувство принадлежности — утешающее ощущение того, что ты являешься частью сообщества» [3, с. 109]. Используя термин Дж. Бенко и М. Оге, он именуется «неместами» пространства, лишённые символических выражений идентичности, отношений и истории. К «неместам» относят аэропорты, автострады, анонимные гостиничные номера, вокзалы, общественный транспорт. «Неместа» упрощают коммуникацию, сводя её к следованию немногим простым и понятным инструкциям. Когда «неместа» и «пустые пространства» колонизируют жизненный мир человека, на авансцену выходят новые типы организации человеческих сообществ, которые З. Бауман называет «гардеробными», или «карнавальными». Гардеробные сообщества порождены новой экономикой зрелищ, где индивидуальности заботы не сплавляются и не смешиваются в «групповой интерес»: участие в совместной деятельности не длится дольше, чем возбуждение от просмотренного спектакля [3, с. 215–216]. Карнавальными и гардеробными сообществами, объединяющими людей по случаю и на короткий срок, призваны, по сути, предотвращать появление «полноценных» сообществ, имеющих собственную историю борьбы за отстаивание своих интересов.

Для чего нужно изобретение метафор в социологии? Если раньше метафоры возникали от недостатка возможностей языка дисциплины, то теперь игра в метафору стала отдельным предприятием авторов социологических текстов. Нейтральные, «холодные» термины и концепты не позволяют завоевать дефиниционистское лидерство в борьбе за символическое превосходство, тогда как яркая метафора превращает её автора во властителя дум. Иногда даже не требуется операциональное раскрытие метафоры — её туманность только расширяет перспективы интерпретаций и повышает индекс цитирования сторонников и критиков. Конечно, помимо создания красивой метафоры, требуется серьёзная аналитическая работа по её инкорпорированию в тело социологического дискурса. Например, в текстах, опубликованных в течение последних лет, З. Бауман последовательно работает над обогащением своих метафор достойным социологическим содержанием. Из фрагментов социальной теории и социологической поэтики он строит собственную модель современности. Впрочем, вряд ли его интересные и запоминающиеся метафоры станут всеобъемлющими, поскольку социология перестала быть Большим Теоретическим Проектом, созданным одним или двумя архитекторами. Однако

творческие усилия З. Баумана не пропадают зря — благодаря им мы понимаем, в какой именно точке современности находимся в данный момент. Пусть даже имеющиеся в нашем распоряжении карты современности не успевают отражать её меняющийся ландшафт...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Поэтика / Пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
4. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
5. *Гогоненкова Е.А.* Эпистемологический статус метафоры: экспозиция проблемы // Теоретический журнал «Credo». 2004. № 2. С. 77–95.
6. *Гудков Л.Д.* Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М.: Русина, 1994.
7. *Дешарне Б., Нефонтен Л.* Символ. М.: АСТ, Астрель, 2007.
8. *Дэвидсон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 172–193.
9. *Ковалев А.* Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, Кучково-поле, 2000.
10. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. 2-е изд. М: Изд-во ЛКИ, 2008.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры. К двухсотлетию Канта [онлайн]. Дата обращения 01.12.2008. URL: <<http://www.philosophy.ru/library/ortega/kant.html>>.
12. *Рассохина М.В.* Метафора в языке социологической теории / Сер.: «Научные доклады МВШСЭН». Вып. 1; Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001.
13. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
14. *Серль Дж.* Метафора // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 295–320.
15. *Сыров В.Н., Суровцев В.А.* Метафора, нарратив и языковая игра. Еще раз о роли метафоры в научном познании // Методология науки. Становление современной научной рациональности. Вып. 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. С. 186–197.
16. *Философия без основания. Беседа Михаила Рыклина с Ричардом Рорти* // Логос. 1996. № 8. С. 132–154.

17. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003.
18. *Шмерлина И.* Биологическая метафора в социологии: обзор монографии: *Biology as society, society as biology: metaphors* / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995 [рец.] // Социологический журнал. 2001. № 4.
19. *Atkinson W.* Not all that was solid has melted into air (or liquid): a critique of Bauman on individualization and class in liquid modernity // *The Sociological Review*. 2008. No. 56 (1). P. 1–17.
20. *Beilharz P.* Zygmunt Bauman: Dialectic of modernity. London: Sage, 2000.
21. *Blackshaw T.* Too good for sociology // *Polish Sociological Review* 2006. No. 155 (3). P. 293–306.
22. *Blackshaw T.* Zygmunt Bauman. London: Routledge, 2005.
23. *Eisenstadt S. N. and Schluchter W.* Introduction: Paths to early modernities. A comparative view // *Daedalus*. 1998. No. 27 (3). P. 1–18.
24. *Eisenstadt S.N.* Multiple modernities // *Daedalus*. 2000. No. 129 (1). P. 1–30.
25. *Jacobsen M.H., Marshman S.* Bauman's metaphors. The poetic imagination in sociology // *Current Sociology*. 2008. No. 56. P. 798.
26. *Kellner D.* Zygmunt Bauman's postmodern nurn // *Theory, culture and society*. 1998. No. 15 (1). P. 73–86.
27. *Kilminster R. and Varcoe I.* Sociology, postmodernity and exile: An interview with Zygmunt Bauman // *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.
28. *Marotta V.* Zygmunt Bauman: order, strangerhood and freedom // *Thesis Eleven*. 2002. No. 70. P. 36–54.
29. *Nijhoff P.* The right to inconsistency // *Theory, Culture and Society*. 1996. No. 15. P. 87–112.
30. *Smith D.* Zygmunt Bauman: Prophet of postmodernity. Cambridge: Polity Press, 1999.
31. *Tester K.* The Social thought of Zygmunt Bauman. London: Palgrave/Macmillan, 2004.